

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 316.33

К ИСТОРИИ ПРОЛИФЕРАЦИИ ВЕЩЕЙ

Шоркин А. Д.

***Аннотация:** В статье прослеживаются историко-культурные трактовки «вещи», изменения понятийных коннотаций. Долгое время вещи мыслились только в синкретизме комплекса «человек – вещь – знак вещи». Обособлению вещи из архаичного триединого комплекса способствовали мезолитические практики создания персонального оружия, и, соответственно, становление местоимения «я». Утилитарная функциональность вещи, внятно абстрагированная от иных ее смысловых оттенков, была обнаружена только после неолитической революции. Последующее развитие понятия привело к парадоксальной функциональной инверсии: от идеи служения вещи человеку – к превращению человека в функцию ее обладателя. Сложившийся статус вещи в современной культуре потребления сопряжен с рядом деструктивных последствий антропологического и цивилизационного толка. Неконтролируемое пополнение (пролиферация) множества вещей, одержимость комфортом оборачивается обострением борьбы за ресурсы, экологически опасными сгущениями ноосферы и сокращением численности мирового населения.*

***Ключевые слова:** вещь, знак, массовое производство, потребление, комфорт, интерьер, ноосфера.*

Становление «вещи»

То, что мы ныне считаем вещью, с архаичных времен тысячелетиями было накрепко встроено в комплекс «человек – вещь – изображение вещи». Вещь, ее создатель и ее именование (как и всякое ее знаковое представление) мыслились нераздельно. Все могло быть сотворено «по слову» – тем, конечно, кто это тайное слово знает. Суть обрядов состояла в замещении, во взаимном превращении знаков, людей и вещей. В обыденной жизни Веслом назывался профессиональный гребец, а само истолкование весла как предмета в мифологической ментальности отнюдь не было ограничено его предметными признаками, а наделено смыслами дополнительными, достигающими глубин Аида, Стикса и Харона. Ритуал обыденной еды являлся действием сакральным, возвышен до жертвоприношения. У людей положительных аппетит хороший, у героя не может быть плохих вещей или слабого здоровья. Раб – это не только уровень социальной стратификации, но также означение смерти [1, с. 56]. Древнеегипетское слово плоть означает как материал вещи, так и принадлежность хозяину, его плоти. Герои (Гильгамеш или Тутанхамон) характерны мощной плотью и, соответственно, окружены изобилием вещей [2, с. 75].

Изображения вещей – это разновидность их речи, вещи слитны с людьми, поэтому вещь способна говорить. Вплоть до середины I тысячелетия до новой эры знаки не предназначены для единственной референции и однозначной коннотации. У них роль иная: сразу включить весь мощный коннотативный регистр, все дополняющие друг друга смыслы, от обыденных до сакральных. Костяная игла в ловких руках женщины «говорила» о ее статусе достаточно громко. Хотя и не столь внятно и подробно, как головная сетка из мелких ракушек, особенности прически или татуировки. Но игла также позволяла сшить шкуры, а сетка пригодна лишь для одного – для манифестаций идентичности. Вещи делились на группы не по степени надобности, ибо у кочующих охотников и собирателей их было совсем немного, только необходимые, а по их утилитарной обычности или редкости. Утилитарность вещи даже несколько снижала ее статус: привлекает особенное, а не распространенное, там «речь» интереснее.

Семиозис в качестве возможных способов говорения в культурной истории претерпевал кардинальные перемены. Только со становлением рациональности и генезисом философии господствующие в архаичной речи концепты, в которых образная, вербальная и символическая компоненты равноправны, перестают главенствовать. Теперь они способны быть иссушены в строгости понятий, даже стянуты в термины с единственным коннотатом. Или, напротив, намеренно возвышены до бесконечности мерцающих смысловых оттенков в символах.

Вещи продолжают вещать и в средневековье. Грамматики вслушиваются в шепот листьев, в плеск волн, всматриваются в оттенки света и тени, пытаются проникнуть в таинство их речи, после грехопадения невнятной, а для Адама – прозрачной. Даже часть вещи уверенно, хотя и метафорично, говорит о ней в целом. *Vox rei* (говорящая вещь) и принцип партиципации составляли прочную привычную основу магии и мантических практик. Обмен вещами, что надежно подтверждено многими исследователями потестарных обществ, содержал магическую компоненту, непременно расширялся до дарения – передачи вместе с вещами частицы силы и чести (маны) человека. Архаичный «купец» не стремился больше взять, он вступал в поединок сакрального свойства за право больше отдать. Потлач без трансляций маны решительно невозможен [3, с. 94].

Подытоживая сказанное, вернемся к мировоззренческой и методологической основам архаичной трактовки вещи. Габитусы коммуникаций и мантические практики, действия героев, референциальные соотнесения и ритуалы в равной и безусловной мере подразумевали триединый синкретичный комплекс «человек – вещь – изображение вещи». Только так можно было спасти ойкумену от ее поглощения разверстой угрожающей бездной хаоса.

Предыстория высвобождения вещи из комплекса началось только в мезолите, вместе со становлением собственного «Я», вместе с моим, прилаженным именно к моим индивидуальным особенностям копьем или луком, вместе с самыми важными для меня вещами. Местоимению «я» в отличие от «мы» всего лишь чуть больше десяти тысяч лет! Большую часть истории не было ни вещей, обособленных от ассоциации людей и знаков, ни персон, обособленных от коллективного «мы». С созданием совершенных

видов орудий охоты, с их персональной подгонкой статус утилитарных вещей резко вырос. Они были легитимно наделены вторым полноценным планом манифестации идентичности, прежде невнятным. Возвышенные утилитарные вещи удостоились отчетливой символической субъектности. Процедуры взаимозамещения людей, вещей и знаков архаичного их комплекса теперь ограничены дополнительными – новыми и изменчивыми условиями. Безусловная замкнутость комплекса оказалась нарушенной. Хотя вещи еще и не вышли в свободное плавание, не покинули его привычной гавани.

Начало же выпутывания вещей из архаики комплексов было сопряжено с резкой акцентуацией каузальной предназначенности вещей. Во времена позднего родоплеменного расслоения общества «говорящие», статусные вещи становились все более неуместными в скудном быте малоимущих земледельцев, сосредотачивались в домах богатых, а утилитарные вещи все больше замолкали в стандартности ремесленных технологий. Обособление изысканных и статусных вещей подталкивало к становлению чистой абстракции функциональной утилитарности вещи. Вещь по-прежнему не воспринималась безотносительно коллизий космического масштаба, но с даже с неполным обособлением от комплекса она теперь находится на некотором рефлексивном отстоянии от человека. Появилась возможность вопрошания относительно частичной, узкой определенности вещи: а в чем именно состоит ее функциональная целесообразность? Пафос соотносительности с сакральным, с глобальными обобщениями здесь излишен. Теперь вещи могут быть со скромной расчетливостью причислены к домашней утвари, к набору инструментов повседневной работы, к предметам бытовой обрядности.

Обряд же, как известно, строг, он избыточности чужд. Вещи нужны постольку, поскольку они могут рационально использоваться. Их номенклатура четко очерчена – никаких излишеств! Скудный интерьер вещей так же консервативен, как мир ритуала. «Нужно удивляться здесь – точно оценивает бытовую ситуацию О.М. Фрейденберг из XX века – силе традиций и бедности новизны, а вовсе не мнимой модернизации» [1, с. 132].

Отныне вещь нелепо, что прежде систематически практиковалось, судить и наказывать. Виноватым может быть только человек, который ею владеет и пользуется. Вещь – только его бездушный инструмент. За вещью теперь оставлена субъектность и речевые способности лишь символического плана. Не бей горшков, коли не хочешь разлада в семье. Кувшин обладает горлышком, у стола есть ножки, у двери – ручка. Многие подобные антропоморфизмы указывают на подразумеваемую, хотя и не артикулируемую новую общую максиму: мы – одно племя с вещами, которые для нас предназначены и нам служат.

Вплоть до недавнего времени сложившаяся диспозиция вещей оставалась неизменной. Некоторые выполняли в основном знаковые функции, остальное почти умолкнувшее большинство – утилитарные. Технологические новинки были доступны немногим, размещались в зоне вещей статусных. Как же могло случиться, что послушная, полезная и непритязательная, такая нужная и ограниченная армия вещей вдруг стала бесконтрольно расти? Что опрокинуло ее устойчивую диспозицию, в результате какой культурной метаморфозы здоровые представления о неуместности излишеств были забыты, а вещи подчинили людей?

Под лавиной вещей

Бунту вещей потворствовали сначала знатные, а позже – жадные люди. Рациональная ограниченность перечня используемых для нужных дел вещей дополнялась их символической ролью манифестации сословного достоинства, знатности рода.

Поль Гиро на основе эмпирических фактов противопоставляет «бесчисленные предметы роскоши и хозяйства» буржуазного жилища XIX века «простоте греческой жизни» даже и знатного афинянина [4, с. 8-9]. Тем не менее, перечень предметов женского туалета, применением которых подтверждался статус «почтенности» дамы, довольно внушительен. Согласно Аристофану, в его необходимый состав входили: «бритва, зеркало, ножницы, воск, натр, фальшивые волосы, бахрома, головные повязки, растительные румяна, белила, благовония, пемза, шнурки, сетки, покрывала, ожерелья, карандаши для глаз, полотняное платье, эллебор, пояс, плащ, длинное платье, щипцы для завивки, серьги, подвески, браслеты, брошки, кольца для ног, печати, цепочки, перстни, мази, футляры, сердолики» (цит. по [4, с. 99]). Иначе состоятельной афинянке манифестировать свой статус было невозможно.

Древнегреческие трапезы в знатных домах некоторых полисов по этой же причине действительно были характерны утонченной кулинарией. Но лишь современный взгляд ошибочно усматривает в них пиры. Как правило, трапеза являлась частью бытовой обрядности, оставалась чуждой избыточности, именовалась как *γεῦμα* (в некоторых транскрипциях – *цйна*, близкая к современной цене); по ее сытой достаточности и здоровой умеренности оценивали уровень достоинства хозяина, участвующего в трапезе наравне с рабами. Ксенофонт в полном согласии с общественным мнением возмущался избыточностью кулинарных изысков, Платон решительно изгонял поваров – плутов и искусителей – из своей Республики. Позже число «перемен» блюд за столом служило большей частью символическим индексом знатности хозяина, масштабов его влияния. Утонченные манеры застольного поведения требовали попробовать (откусать) каждое из блюд, а иные даже и загодя отклонить, но вовсе не рекомендовали целиком съесть яства, попавшие на тарелку. К обжорам относились снисходительно, со скрытой насмешкой, никто не стремился им подражать.

Интерьеры избы и палат каменных, понятно, различались. И все же в известном Воронцовском дворце Алупки величественный пространственный размах помещений контрастирует с лаконизмом численности размещенных в них предметов интерьера. Их отделка царственно богата, но сами предметы, как правило, традиционно непритязательны – и в плане удобства, и в плане ассортимента. Путь в роскошный библиотечный зал Дворца пролегает по коридору, десятки метров одной из стен которого сплошь являются шкафами. Первоначально они были заполнены отнюдь не предметами быта, а некими просветительского предназначения коллекциями, ныне утраченными. Только последняя его частная владелица заполнила шкафы своими многочисленными нарядами.

К XX веку бывшая умеренная поросль вещей в домах знати и буржуа уже превратилась в буйные заросли. А еще раньше повара перестали быть предметом насмешек в комедиях, а стали предметами хвастовства их хозяев, требующими, кстати, немалых затрат.

Глобальное же, повсюду проникающее наступление вещей началось с понимания того, что дальнейшее развитие экономики невозможно без массового производства и, опять таки, массового потребления. Секрет прост: даже самые богатые люди купят товаров на меньшую сумму, чем все прочие, ибо численность первых в десятки раз меньше. Не нужны миллионеры сотни телевизоров или автомобилей. Телевизор и стиральную машину – в каждый дом, массово производить их нужно! Выгоднее сделать и продать как можно больше изделий, с ростом тиражей и цены ниже, и занятость растет, и рентабельность увеличивается. В придачу – приятный бонус носителя гуманитарной миссии в сочетании с бесплатной рекламой предприятия: рост качества жизни благодарных потребителей.

Одним из первых эту тенденцию предвосхитил Фредерик Уинслоу Тейлор, сторонник преобразования кустарного ремесла в массовое производство посредством профессионального менеджмента и глубокого разделения труда. Среди пионеров новой экономической стратегии широкую известность получил Генри Форд – создатель народного автомобиля и конвейера с простыми производственными операциями. Экономист Джон Мейнард Кейнс эту необходимость ясно понял и обобщил до теории после кризиса 30-х годов. А с 60-х годов экономическая ориентация на эксклюзивы, на ручную сборку под индивидуальные заказы немногих богатых потребителей уже составляли лишь малый, больше показной и рекламный, фрагмент реальной экономики. Лавина вещей мало что добавила к изысканной полноте интерьеров апартаментов богатых людей, но ее поток захлестнул дома людей со средним, обычным достатком.

Конечно, реальная доступность многих полезных вещей, которые прежде оставались предметом мечты или зависти, была целью позитивной и гуманной. Что не преминул в самом радужном свете воспеть Джон Гэлбрейт как «общество изобилия». Очень скоро, к 1970 году название это, однако, было осмотрительно откорректировано Ж. Бодрийяром и его сторонниками в «общество потребления», к которому возникли многие серьезные претензии.

Франц Кафка еще в начале 20-х годов в беседах с Густавом Яноухом полагал «затейлоризованную жизнь страшным проклятием, которое может породить только голод и нищету вместо желанного богатства и прибыли» [5, с. 561]. Ибо в ней сам человек превращается в вещь. Франсуа Миттеран во время бурных студенческих событий 1968 года обличал общество потребления, «которое пожирает своих детей» [6, с. 15]. Опять же, вследствие превращения человека в одномерную (вспомним Герберта Маркузе) вещь, в «винтик», которым легко манипулировать. Коллизиям соприкосновения ранимой вольной души с миром автоматов посвящена трогательная история, рассказанная Эльзой Триоле [7]. О трагическом разладе между обществом потребления и становлением индивидуальности человека повествуют и другие литераторы 60-х годов, среди которых Жан Луи Кортес, Франсуа Нурирье и Жорж Перек [8]. Сборнику своих рассказов Гоффредо Паризе дал говорящее название «Человек – вещь». Их герои обнаруживают, что не столько важно использование вещей, сколько «желание ими обладать, само священнодействие их приобретения, акт осуществления надежды» [9, 159]. Привычка потребления превращает внешние соблазны во внутреннее добровольное ярмо. Погоня

за ними превращается в самоцель. Люди гордятся обладанием многими престижными вещами, тогда как на самом деле эти вещи его подчинили. Человек превратил себя в функцию владения вещами [9, с. 184-185].

Словом, художники сумели заметить изъяны ментальности потребления сразу же, одновременно с его становлением. Обрушившаяся, казалось бы, из рога изобилия лавина вещей принесла с собой непредвиденные деструктивные последствия антропологического толка. Жан Бодрийяр проводит философское, аналитически жесткое противопоставление потребления вещей прежним практикам использования предметов [10, с. 164]. Нынешняя вещь – это предмет коллекции, она функциональна постольку, поскольку вписана в знаковую систему. Утилитарная целесообразность вещей здесь не причем, смысл потребления состоит в систематическом манипулировании людьми посредством знаков. Потребление в отличие от потребностей ненасытно, границ пресыщения не ведет. Развитие и распространение информационных технологий в системах маркетинга вещей и идей, случившееся впоследствии, позже 60-х годов, подтверждает правоту подобных ранних тревог и критических оценок.

QR-код вещи вовлекает человека в коммуникацию по гиперссылке, содержащей ее характеристики, многие оценки пользователей и специалистов. Оставленные при любой покупке или просмотре каталога электронные следы автоматически включаются в базы данных рекламодателей и прочих акторов суггестивных воздействий. «Умные вещи» не только выполняют команды, но и делают их достоянием сети. Холодильник там может поведать о своем содержимом, роботу пылесосу его владелец доверяет план квартиры и фотографии интерьеров. Интернет вещей сократил пространство непубличной частной жизни, вбирает в себя человека как еще одну вещь со стертой и подверженной манипуляциям индивидуальностью.

Жан Поль Сартр видит «страшную угрозу», смертельно опасную для людей, даже в веществе, из которого состоят вещи. Под обманчивым их совершенством и красотой скрывается (тут автор прибегает в суггестивных целях к физиологическим метафорам) нечто омерзительно грязное, хлюпающее и бесформенное. Тошнотворно все, даже собственное тело. Гадко, жутко и низко влачить существование среди вещей вместо того, чтобы пребывать в мире смыслов, в этом новом мире преданных и опошленных [11].

Увы, мы перестали быть одним племенем с послушными вещами. Произошла инверсия функции: функциональная целесообразность вещи невероятным кульбитом обернулась тем, что человек с жуткой неумолимостью становится функцией вещи.

Одержимость комфортом

Джордж Байрон всерьез считал самым великим человеком мира, выше себя или Наполеона, некоего Бо Бруммера, лондонского щеголя и законодателя светской моды начала XIX века. У А.С. Пушкина «как денди лондонский одет» персонаж, напротив, порицаемый. Решительно различное отношение великих поэтов к дендизму, полагаю, мало связано с возможными расхождениями оценок снобизма, который характерен денди, а коренится в противоположных оценках статуса комфорта.

Для Байрона – это слово родное, оно привычно, и просто означает удобство. Пушкин, вполне терпимый к заимствованиям и чуткий к росту языка, слово «комфорт» считал, однако, в русском лексиконе неуместным. Он, как и Байрон, ценил удобства, но решительно не принимал новых чужих коннотатов, которые в русский язык нес с собой «комфорт». А именно, возьму на себя смелость предположить, его выпячиваемую самоценность, безоговорочность притягательности. Разве может комфорт знать, скажем, смерть или страдания? «Комфорт» (в отличие от нужного, но не самого главного в жизни «удобства») претендовал на то, чтобы стать выше многих традиционных ценностей, сблизиться с чем-то самым завидным и малодоступным. Право на комфорт аристократии способно освятить даже ее кощунственную для православия богоизбранность. Простолюдинам остается (смирненно или с нарастающим недовольством) довольствоваться скромными удобствами, знатым людям предназначено наслаждаться возрастающим комфортом. Не согласие, а разлад в общество принес «комфорт».

Как известно, к предостережениям (чуть ли не мистической проницательности) Пушкина не прислушались. Переменчивая мода уверенно стала продуктом комфорта, комфорт для всех – детищем массового потребления. Показательна трансформация аристократического интерьера вещей – в буржуазный и далее, в интерьеры среднего современного потребителя.

Аристократический интерьер, одно из лучших описаний которого дает Жорис-Карл Гюисманс [12], в продуманной тщательности устройства достигал метафизических и антропологических глубин. Последний одинокий потомок древнего рода герцогов дез Эссент, отказавшись от замков, строит дом как убежище от потока людской пошлости. Эксперт в искренности и недосказанности цветовых оттенков, он читает поставщикам едва ли не проповедь о дендизме, заклиная их в точности следовать своим инструкциям. Расположение мебели и украшений не терпит банальностей, основано на уникальности персонального их восприятия пользователем, на взыскательном смотре световых и цветовых нюансов, на предусмотрительном учете тонкостей слуховых и ольфакторных восприятий.

Интерьер буржуа в лучшем случае отвечал эстетическим и стилистическим требованиям аристократии, в худшем же нувориш довольствовался банальностями, эклектикой или китчем. Удачным описанием такого интерьера начинает свой культовый роман «Вещи» Жорж Перек [9, с. 201-204]. Заметим, что не склонный к ссылкам Жан Бодрийяр щедро цитирует это описание [10, с. 166]. Интерьер, о котором грезят молодые герои романа, эстетически привлекателен и довольно удобен. Но ему недостает того же, чего и самим его создателям – независимости и здравого смысла. В книжных шкафах из светлой вишни книги «напиханы как попало», их много везде, в кабинете вперемежку с журналами они громоздятся до потолка. Ибо так модно, интеллигент демократически всеяден. У дез Эссента же книг немного, самые нужные. Они изысканно и по-разному одеты: в крупнозернистый сафьян, в капскую кожу. Место каждой в интерьере строго определено соответственно ее содержанию. Буржуа Бостона, подражая аристократам, считали шикарными низкосортные стекла с дефектами, которые столетия назад были привезены из Англии. Штучно изготовленное стекло окна в доме дез Эссента тоже в тре-

щинках, голубоватого оттенка, оно даже усыпано рельефными, с золотыми прожилками доньшками бутылок. И это вовсе не для того, чтобы продемонстрировать благоговение перед стариной: просто сквозь бракованное стекло плохо видны Бостонские пейзажи, а это помогает аристократу отгораживаться от вида за окном пригорода Парижа. К тому же это странное, но совсем не вычурное стекло превосходно, как полагал дез Эссент, гармонирует с занавесками из старых епитрахилей оттенков потускневшего золота.

Потребитель последних десятилетий вообще выстраивает интерьер по рекламному шаблону. Холодильник, стиральная машина – разница только в марках, в цене. Кухни конструируются из универсальных модулей. Дома стандартны как близнецы. Телевизор и (особенно в США) автомобиль тем лучше, чем крупнее его размеры. Важно, чтобы мы были «не хуже других», а, желательно, и лучше – чтобы всего было «побольше». Иными словами, все (и автомобиль, и банковский счет, и пылесос) были бы больше, мощнее. Ассортимент интерьера скучно очерчен шаблоном рекламы и потребительским общественным мнением. В СССР тоже было важно, «чтобы все было как у людей» – и хрусталь в серванте, и ковры. Сервис «Мадонна» из ГДР и собрания сочинений полвека назад выставлялись в югославской стенке для демонстрации полноты жизни.

Сегодня ту же жалкую роль во всем мире выполняют брендовая одежда и свежий гаджет. Украшениями интерьера и симулякрами оригинальности выступают экзотические безделушки. Ненужные и бессмысленно дорогие наручные часы могут быть взяты напрокат. Собственное тело в качестве манифестируемой вещи покрывается татуировками. Коллекция штучных японских кукол ручной работы на стеклянных стеллажах малообразованного профессионального боксера или выставленные «для красоты» пачки импортного «Marlboro» за стеклом серванта выполняют одну и ту же убогую функцию имитации вкуса, симуляции индивидуальности, наивной и кичливой манифестации достатка.

Словом, массовый комфорт заметно измельчал. Одна из вовсе не ментальных, а прозаически утилитарных причин этого состоит в том, что вещи требуют присмотра. Некоторые нужно оберегать от сырости, другие – от прямого солнечного света. Их следует чистить, смазывать, проветривать. Для каждой из них следует найти место, иную и не знаешь, куда девать. Чем больше вещей, тем больше сил и времени требует забота об их сохранности. Для ухода за многими особая квалификация потребна. У аристократов и нуворишей для этого были слуги. Современный массовый потребитель либо выполняет эту работу сам, либо за услугами обращается в сервисные центры. И в одном, и в другом случае он вынужден тратить часть своей жизни – времени досуга или рабочего времени – на то, чтобы его вещи были в порядке. Вещи не только радуют и помогают, они также оказываются обузой. Человек во многом стал функцией вещи как заботы о ней: исправно служи вещи, если хочешь, чтобы она служила тебе.

Радикальным освобождением от этой обузы издревле служила максима «omnia mea mecum porto». Согласно преданию, ее сформулировал в VI веке до новой эры Биант. Он один шел налегке в толпе навьюченных жителей ионийской Приены, изгнанных из родного города персами, которые позволили им взять с собой лишь то имущество, которое владельцы могли унести на себе. Ноши оказались непосильными, и весь тракт

был усеян брошенными вещами. Впору было позавидовать мудрецу с его кредо «все мое ношу с собой». Однако у этого кредо есть и непрямой смысл: предпочтительность невещественных и вечных разума, верности и чести изменчивым материальным обстоятельствам. Сегодня же важен прямой смысл: действительно ли нам необходимо все обременительное обилие вещей, которыми мы владеем? Древние охотники и собиратели, понятно, следовали этому кредо сотни тысяч лет. Чем меньше люди стали кочевать, чем в большей мере становились оседлыми и обзаводились транспортными средствами, тем прочнее они забывали это старое доброе правило. Сейчас его вспоминают, скорее, в ироническом ключе, когда необходимых вещей недостает, и содержимое отсутствующего за ненадобностью и недоступностью платяного шкафа (гардероба) объявляется тождественным одежде на теле (на одной из его частей).

Средство от пролиферации Homo Sapiens

Согласно многим хорошо обоснованным оценкам демографов и экономистов, за период со времен неолитической революции до новой эры население планеты выросло в несколько десятков раз, тогда как валовый продукт на душу населения – значительно меньше, примерно в полтора раза. Сегодня, напротив, темпы прироста мирового населения заметно уступают скорости экономического развития. Отчего тенденции роста так радикально поменялись, каких последствий этих перемен следует ожидать?

На протяжении почти всей истории люди строили свою жизнь, вовсе не помышляя о комфорте, гораздо больше заботясь о продлении рода, чем об удобствах. Ценность новой жизни, судя по приведенным эмпирическим данным, значительно превосходила озабоченность ее уровнем. «Не до жиру, быть бы живу» – метко, хотя и не без горечи, выразили люди привычную стратегию. Когда бы ранние земледельцы или полисные греки ценили комфорт столь же высоко, как мы в последние несколько десятилетий, численность людей не достигла бы теперь многих миллиардов. Конечно, никто и прежде удобствами не гнушался, в античные времена даже капризные киренаики появились. Но не излишествами люди увлекались, а в основном ради «хлеба насущного» старались. О деле беспокоились, на пустяки время не тратили.

Вплоть до XIX века возвращенная в оранжереях богатства и пресыщения Западного общества инфекция эскапистского гедонизма сумела поразить немногих, а появление массовой эпидемии одержимости комфортом невозможно было и предположить. Здоровые люди тогда к комфорту были равнодушнее, ближе к здравому смыслу – еще животному, пре-социальному переживанию удобного. Для кота новомодный лоток с наполнителем даже похуже, пожалуй, будет, чем ямка в земле, а власть поточить когти можно и о заборную доску, и о ножку (можно и об обивку) антикварного кресла. Важна острота когтей, способ ее достижения второстепенен. Здравый смысл «удобного» куда ценнее претенциозности «комфорта». Недаром Пушкин не хотел им русский язык портить.

До тех пор, пока комфорт не стал массовым, население планеты росло все быстрее. «Бэби бум» 60-х – это время пика относительных темпов роста мирового населения (больше 2%). После чего они стали систематически снижаться (менее 1% в 2022 году).

Обилие производимых вещей, напротив, с этого же времени стало стремительно и неуклонно расти. В итоге сейчас и людей небывало много (причем прирост населения хоть и замедлился, но продолжается), и вещей создано беспрецедентно огромное множество, которое к тому же продолжает стремительно разрастаться. Антропогенная нагрузка на биосферу с ее биоценозами уже столь велика, что вызывает обоснованную тревогу.

В.И. Вернадский называл состояние биосферы, в которой воздействия человека заметны, «ноосферой». В настоящее время антропогенная активность приобрела глобальный характер. Степень воздействия, правда, различна: мхам или лишайникам повезло больше, чем вытесненным человеком на самую границу жизни снежным барсам или истребленным нами морским коровам. Сгущения ноосферы различны на разных участках. Изредка, в заповедниках, заказниках или в диких «необитаемых» местах (обратим внимание на бесцеремонный антропоцентризм привычного словоупотребления) ее концентрация минимальна или терпима. Но, как правило, избыточна, мощные сгущения ноосферы губительны для биологических видов. Они сопряжены с безвозвратной утратой генетического капитала, накопленного за миллионы лет эволюции. Это не менее расточительно и глупо, чем обнулить капиталы инвестиционные, не менее преступно, чем уничтожать созданный и накопленный человечеством фонд культурного наследия. Любая естественная «технология» во много порядков совершеннее искусственных, остается недостижимо высоким образцом для наших неуклюжих попыток следовать природе. А большая часть сокровищ генетического капитала нам и вовсе неведома.

Словом, пролиферация людей и вещей зашла слишком далеко: нас и, особенно, наших вещей чересчур много. Согласно расчетам экологов, настоящая численность мирового населения превышает допустимый объем популяции примерно в 15 раз. Наиболее радикальные оценки снижают мощность экологически оптимальной популяции *Homo sapiens* до 5 миллионов (в полторы тысячи раз меньше настоящей). Столько людей было в далекие времена неолитической революции. Скорее всего, эти оценки останутся для ближайших веков абстрактными пожеланиями, но не могут не насторожить: популяция *Homo sapiens* уже сегодня, с позиций экологического баланса, близка к демографическому провалу.

Сегодняшние 8 миллиардов человек располагают технологиями, которые позволяют использовать мощную и разнообразную ресурсную базу, позволяют людям иметь гораздо больше вещей. Вот только ресурсы эти не бесконечны. По мере их исчерпания, как это неоднократно наблюдалось в истории, социальная ситуация резко обостряется: становится кризисной, влечет за собой беды, даже войны. Правда, люди во все времена в итоге каждый раз находили выходы из дефицитных тупиков путем перехода к использованию новых ресурсов. После чего восстанавливался (часто, с лихвой) и рост экономики, и рост населения. Однако безболезненными такие переходы никогда не были – не так просто и новый ресурс открыть, и из деструкций социального кризиса выйти. Численность мирового населения в такие периоды обычно заметно (на четверть) падала вместе со снижением уровня жизни и производством вещей. Временная плата за приближение к ресурсному потолку всегда была одна и та же: ограничение прежде некон-

тролируемого роста популяции – пролиферации – людей и вещей.

Средства от пролиферации не столь уж многочисленны, как можно было бы надеяться, и в равной степени неприятны. Для насекомых или грызунов они прямолинейно убийственны: тут средством от пролиферации служит яд. В обществе защиты бродячих кошек и собак предпочтение отдается стерилизации. Мальтус видел такое средство в голоде. В отношении кенгуру или кроликов подходящее средство до сих пор не найдено. Всем жутким способам люди предпочли в отношении себя самый приятный – потребление. С небольшой, но все более весомой добавкой стерилизации. Правда, в основном не хирургической, а социальной, где прежний нож евнуха эффективно заменяют удобные контрацептивы и открытый мир увлекательных гендерных приключений.

Рост производства и потребления вещей, конечно, приведет к нехватке ресурсов не менее неотвратимо и даже более быстро, чем даже нынешняя затухающая пролиферация популяции *Homo sapiens* при неизменной норме потребления. Пролиферация вещей – вполне надежный способ приблизиться к катастрофе демографического перехода. Действенные же средства от пролиферации вещей, помимо беспомощных призывов моралистов, похоже, никто искать не собирается. Альтернативы экономики услуг и массового производства слабы и невняты. Мир уверенно движется к ресурсному кризису, к социальным распрям и демографическому провалу.

Оплата счетов за комфорт обитателей общества растущего потребления потребует колоссальных усилий наших ближайших потомков, их изобретательности и аскетизма. Людям придется научиться жить иначе, выйти из подчинения вещам, вернуть им утраченное скромное обаяние утилитарной полезности.

Список литературы

1. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
2. Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Главная ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1986.
3. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
4. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков / Пер. с фр. Н. Спиридонова. М.: Изданиe книжного магазина К.Н. Николаева, 1912.
5. Кафка Ф. Замок: Роман; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991.
6. Мерль Р. За стеклом / Пер. с фр. Л. Зониной. М.: Прогресс, 1972.
7. Триоле Э. Душа / Пер. с фр. Н. Жарковой. М.: Прогресс, 1967.
8. Французские повести. (Ж.-Л. Кюртис, Молодожены; Ж. Перек, Вещи; Ф. Нури-сье, Хозяин дома.). М.: Молодая гвардия, 1972.
9. Паризе Г. Человек – вещь. Рассказы / Пер. с ит. Ю. Добровольской. М.: Про-

- гресс, 1970.
10. Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер с фр. С. Зенкина. М.: «Рудомино», 1995.
 11. Сартр Ж.-П. Стена: Избранные произведения. М.: Политиздат, 1992.
 12. Гюисманс Ж.-К. Наоборот: Роман / Пер. с фр. Е. Кассировой. М.: FreeFly, 2005.

Сведения об авторе

Шоркин Алексей Давыдович – доктор философских наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.

Shorkin A. D.

ON THE HISTORY OF THE PROLIFERATION OF THINGS

Abstract: *The article traces the historical and cultural interpretations of the «thing», changes in conceptual connotations. For a long time, things were thought of only in the syncretism of the complex «man - thing - sign of thing». The isolation of the thing from the archaic triune complex was facilitated by the Mesolithic practices of creating personal weapons, and, accordingly, the formation of the pronoun «I». The utilitarian functionality of the thing, clearly abstracted from its other semantic shades, was discovered only after the Neolithic revolution. The subsequent development of the concept led to a paradoxical functional inversion: from the idea of a thing serving a person - to the transformation of a person into a function of its owner. The established status of a thing in modern consumer culture is associated with a number of destructive consequences of an anthropological and civilizational nature.*

Keywords: *thing, sign, mass production, consumption, comfort, interior, noosphere.*

References

1. Frejdenberg O.M. Mif i literatura drevnosti [Myth and literature in antiquity]. Moscow: Publishing firm «Eastern Literature» RAS, 1998.
2. Vejnberg I.P. Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka [Man in the Culture of the Ancient Near East]. Moscow: Nauka Publ., 1986.
3. Moss M. Obshhestva. Obmen. Lichnost': Trudy po social'noj antropologii [Societies. Exchange. Personality: Works in Social Anthropology]. Moscow: Publishing firm «Eastern Literature» RAS, 1996. (In Russian).
4. Guiraud P. Chastnaja i obshhestvennaja zhizn' grekov [Histoire grecque; la vie privée et la vie publique des grecs]. Moscow: K.N. Nikolaev's Bookstore Publ., 1912. (In Russian).
5. Kafka F. Zamok: Roman; Novelly i pritchi; Pis'mo otcu; Pis'ma Milene [The Castle: Novel; Novellas and Parables; Letter to Father; Letters to Milena]. Moscow: Politizdat

- Publ., 1991. (In Russian).
6. Merle R. Za steklom [Derrière la vitre]. Moscow: Progress Publ., 1972. (In Russian).
 7. Triolet E. Dusha [L'âme]. Moscow: Progress Publ., 1967. (In Russian).
 8. Francuzskie povesti. (Zh.-L. Kjurtis, Molodozheny; Zh. Perek, Veshhi; F. Nuris'e, Hozjain doma.). [Curtis J.-L. Le Jeune couple; Perek G. Les Choses; Nourissier F. Le Maître de maison]. Moscow: Young Guard Publ., 1972. (In Russian).
 9. Parise G. Chelovek – veshh'. Rasskazy [Man is a thing]. Moscow: Progress Publ., 1970. (In Russian).
 10. Baudrillard J. Sistema veshhej [Le système des objets]. Moscow: Rudomino, 1995. (In Russian).
 11. Sartre J.-P. Stena: Izbrannye proizvedenija [Le mur]. Moscow: Politizdat Pub., 1992. (In Russian).
 12. Hyusmans J.-K. Naoborot: Roman [À rebours]. Moscow: FreeFly, 2005. (In Russian).

Shorkin Alexey D. - DSc in Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.